

Во главе Сибири

165 лет назад Николай Николаевич Муравьев был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири.

Сибири: Восточная Сибирь даёт более 7 миллионов рублей дохода, расходуя до 3400 тысяч, и даже для преодоления последствий наводнения и неурожаев ей отказывали в 400 тысячах рублей. Правительству, занятому хотя и прогрессивными, но весьма затратными социально-экономическими преобразованиями в центральных областях, нужны были деньги, а Сибирь традиционно выступала в государстве преимущественно в роли источника средств, а не поля их приложения.

Значение деятельности Муравьева не ограничивается решением амурского вопроса. Он предпринял серьёзные действия в административной, экономической, социокультурной сферах, имевшие огромное значение для всей Восточной Сибири.

Следя своим давним и прочным антикрепостничьим убеждениям, Муравьев в 1851 году — за 10 лет до отмены крепостного права — освободил почти 30 тысяч нерчинских горнозаводских крестьян от полукрепостной зависимости, переведя их во вновь образованное Забайкальское казачье войско.

Муравьеву необходимы были подчинённые, выбранные им самим, которым он мог бы доверять. Он приглашал на службу и настойчиво выдвигал образованную и способную молодёжь, честную, честолюбивую, энергичную и деятельную.

Он и сам к моменту назначения генерал-губернатором был необыкновенно молод для такого высокого поста — ему только что исполнилось 38 лет. Его стремление привлечь на службу в Сибирь именно молодых объяснялось не только тем, что им было легче справиться с места, но также естественным для молодых людей здоровым авантюризмом, но и тем, что именно образованная молодёжь выступала тогда носителем новых норм служебного поведения, новой морали, новых идеалов, в том числе и отказа от взяточничества, распостранённого и даже общепринятого среди чиновников.

Ещё одной причиной «ставки на молодёжь» стала характерная черта муравьевского стиля управления, воспринятого и «муравьевцами»: стремление всё видеть и во всё вникать самому; готовность к лишениям и преодолению трудностей ради достижения поставленных целей; вера в то, что, только осматрив мест лично все, даже самые отдалённые местности подлежат доверенной ему огромной территории, он может судить о её потребностях и своих задачах. По подсчётам служившего при нём географа М. Венюкова, Муравьев извездил по

делам службы почти 120 тысяч верст, то есть три с половиной раза объехал вокруг света, в том числе многие сотни вёрст верхом по тайге и многие тысячи — по Амуру.

Подчинённые Муравьева отмечали не только необыкновенную его работоспособность, но и требовательность, умение и других заставить или вдохновить работать много и энергично. На особом положении находились ближайшие сотрудники. Им поручались ответственные дела, значительно превышающие их формальную компетенцию.

Муравьеву удалось добиться многого в борьбе с подлинным бедствием всего административного аппарата России — с коррупцией. Купец П. Пашолов писал в 1876 году: «Муравьев реформировал и поставил на высшую степень благородства все присутственные места, искоренил до основания взяточничество, в этом случае он даже перещеголял многие российские губернии; без преувеличения могу сказать, что мы, сибиряки, жители отдалённого края, после муравьевских времён посещающие некоторые российские губернии, бывали поражены грязною взяточнической обстановкою присутственных мест и явно видели разницу в порядке и благородном обращении наших сибирских чиновников». В этом утверждении содержится очевидные преувеличения, но искренность и энергичность Муравьева в борьбе со взяточничеством и казнокрадством отрицать невозможно.

Муравьев стал одним из первых глав регионов, оценивших значение прессы. Он открыто и настойчиво поддерживал либеральный курс «Иркутских губернских ведомостей», во главе неофициальной части которых поставил только что амнистированного и ещё не совсем восстановленного в правах петрашевца Н.А. Спешнева, содействовал появлению первой сибирской частной газеты «Амур». Во многом благодаря усилиям Муравьева в 1851 году был создан Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, ставший центром научных исследований в регионе. Деятельность СО ИРГО сыграла важную роль в изучении и освоении Сибири и Дальнего Востока. Отдел превратился в центр притяжения интеллектуальных сил края — от высокопоставленных чиновников и офицеров до купцов, священников и даже политических сыновей, способствовал сотрудничеству власти и интеллигенции.

То же редкое умение ценить интеллект, знания проявилось и в хорошем знакомстве с историей и совершенно особой

линии поведения генерал-губернатора по отношению к ссыльным декабристам. Почти сразу после приезда в Сибирь и задолго до амнистии Николая Николаевича и Екатерины Николаевны Муравьевы открыли двери своего дома для декабристов и их жён, часто делали им визиты. Генерал-губернатор подолгу беседовал и советовался с С.Г. Волконским, Д.И. Завалишиным, П.А. Мухомовым, И.И. Пушкиным, И.Д. Якушкиным. Со всеми, кроме Завалишина, дружеские отношения сохранились на долгие годы. Завалишин же выступил самым яростным критиком всего, сделанного Муравьевым, и его личным непримиримым противником. Причинами такой резкой перемены в отношении между ними стали реальные ошибки, недостатки генерал-губернатора и неудовлетворённые амбиции самого Завалишина.

Современники писали о непросто характере Н.Н. Муравьева. Любезный и обходительный на балах и приёмах в своём доме, в салонах жён ссыльных декабристов, грозный и суровый в походах по сибирской тайге и в сплавах по Амуру, он бывал вспыльчивым и даже несправедливым, но в то же время доступным и демократичным в беседах и встречах с простыми людьми, которые свободно шли с просьбами и жалобами в его приёмную.

Среди тех, чьё мнение Муравьев ценит особенно высоко, с кем он считался и советовался, был и выдающийся церковный деятель, миссионер и учёный, святитель Иннокентий (Вениаминов). Генерал-губернатор и архиепископ поддерживали друг друга во многих начинаниях, их связывали взаимное уважение и дружеские отношения. В речи, произнесённой после подписания Айгунского договора, Иннокентий сказал, обращаясь к Муравьеву: «Но если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство, <...> то никогда, никогда не забудет тебя наша православная церковь».

«Высочайшим рескриптом в 19 день февраля 1861 года в воздаяние долголетней его службы Престолу и Отечеству, ознаменованной неоднократными подвигами личного мужества в важных действиях и многолетним примерно-полезным заслугами на поприще гражданского управления», граф Муравьев-Амурский был «всемиловитнейше пожалован кавалером ордена Св. равноапостольного князя Владимира I степени с мечами над орденом» и назначен членом Государственного совета.

За годы службы в Сибири он получил чины генерал-адъютанта и генерала от инфантерии, графский титул с прибавлением к фамилии звания Амурского, ордена Св. Георгия IV степени, Св. Анны I степени, Белого Орла, Св. Александра Невского с алмазными знаками, Св. Владимира I степени с мечами. Его именем названы улицы, полуостров в заливе Петра Великого, ему поставлен памятник в Хабаровске, барельеф с его изображением помещён на памятнике Александру III в Иркутске.

Наталья Матханова,
доктор исторических наук

СРЕДИ двадцати с лишним генерал-губернаторов, возглавлявших в течение XIX века разные регионы Сибири и Дальнего Востока, были люди, имена которых сохранились не только в официальных документах, местных летописях и хрониках, но и в памяти народа. Первое место среди них по праву принадлежит Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому (1809—1881), генерал-губернатору Восточной Сибири в 1847—1861 годах. О нём писали оды и сатиры, слагали песни и легенды, его проклинали и восхваляли — и всё это вполне обоснованно и даже справедливо.

Муравьев имел собственное представление о государственных интересах Российской империи и национальных интересах родины. Человеком с незаурядными способностями, энергией, волей, умом, честолюбием, Муравьев внёс серьёзный вклад в решение многих насущных вопросов Восточной Сибири и проявил себя в качестве выдающегося государственного деятеля.

С именем графа Муравьева-Амурского связано включение в состав России обширной территории на Дальнем Востоке. Начав ещё в Петербурге, до отъезда в Сибирь, изучение амурского вопроса, Муравьев поставил задачу присоединения Амура. Он убедил Николая I предоставить ему право вести переговоры с китайскими властями об установлении границы. В ходе споров по Амуру под его командованием в 1854, 1855, 1857 и 1858 годах началось заселение левобережья Амура и фактическое присоединение Приамурья к России. Его активная деятельность, порой выходящая за рамки компетенции генерал-губернатора, привела к подписанию в 1858 году Айгунского трактата. Заключение Айгунского, а затем, в 1860 году, и Пекинского договоров с Китаем во многом предопределило политику России на Дальнем Востоке и саму возможность широкого освоения Приамурья и Приморья.

Подписание Айгунского договора стало звёздным часом в жизни Муравьева, венцом всей его деятельности и решающим событием в «амурской эпопее». Под этим названием в историю вошла многосторонняя деятельность по присоединению и освоению обширного Амурского края, которая предопределила судьбы миллионов людей и в XIX веке, и в последующие эпохи. Ради достижения этой грандиозной цели и параллельно с решением «амурского вопроса» были проведены исследовательские экспедиции, изменено административно-территориальное устройство Восточной Сибири, создано Забайкальское казачье войско.

Присоединение огромного края стало возможным благодаря инициативе и настойчивости Муравьева-Амурского и Г.И. Невельского, а также героическим усилиям рядовых участников «амурской эпопеи» — крестьян, казаков, солдат, матросов, офицеров, чиновников, купцов и священников. Правда, характер и методы колонизации вновь присоединённой территории в первые годы привели к одной из самых боль-

ших неудач Муравьева. Ему не удалось осуществить проекты колонизации, основанные на принципах свободного переселения, частной собственности на землю, равенства сословий и самоуправления, льготного налогообложения и широкой государственной помощи переселенцам.

Центральные власти не позволили осуществить эти идеи, а генерал-губернатору не удалось доказать их правомерность и пришлось согласиться на административные и штрафные методы колонизации. В его адрес посыпались упреки и обвинения со стороны «образованного общества», проклятия рядовых казаков, насильственно переселённых, лишённых возможности самостоятельно выбрать место жительства. Военные посты, а затем и станции располагались не там, где условия для ведения хозяйства были лучше, а в тех местах, где существовала необходимость охраны границы и поддержания коммуникаций. И всё же в результате деятельности Муравьева-Амурского в верхних частях Амура к 1861 году появилось 39 казачьих станиц, на Среднем Амуре — 36 поселений, были основаны Нико-

лаевск-на-Амуре, Благовещенск, военные посты Хабаровка и Владивосток, создано Амурское казачье войско.

Несмотря на видимость широких полномочий, на деле местная власть была ограничена всеволие центральных ведомств, управлявших — каждое в своей сфере — всеми, в том числе и отдалёнными губерниями огромной страны из Петербурга. Ради достижения поставленных целей Муравьев добивался более широкой самостоятельности. Он не раз брал на себя ответственность за свою инициативу. Опыт Муравьева и его родственника, ученика и преемника М.С. Корсакова показал, что отношения с центром у главы окраинного региона лучше складываются, если у власти находятся люди, разделяющие имперские идеи, и хуже — при реформаторах-либералах.

Эта ситуация могла выглядеть даже парадоксальной, если принять во внимание, что взгляды их были весьма близки во всём, что не касалось необходимости выделения центром денег для решения жизненных проблем региона. Корсаков возмущался несправедливостью в отношениях центра к

Елань заметало снегом

В КОНЦЕ ноября этого года отмечалось 210-летие известного поэта, участника восстания декабристов Александра Ивановича Одоевского. Всем памятные известные строки «Из искры возгорится пламя» и «В душе смеется над царями», написанные Одоевским в ответ на знаменитое послание Пушкина друзьям-декабристам, заточенным в сибирской неволе.

После долгих лет каторги Александр Одоевский оказался на поселении в наших краях, между Иркутском и Усольем. Первоначально его определили в Тельму, приткнувшись к Московскому тракту. Только долго в этом по тем временам многолюдном селе ему не довелось задержаться. Вскоре по царскому повелению декабриста отправили в более глухое место — село Елань.

По нынешним меркам, может быть, Елань от Тельмы была не на таком уж большом удалении — километров 25–30, но в ту пору

считалась она таежным селом, где жителей-то было — раз-два и обчёлся.

Одоевский поселился в Елани в 1833 году, когда на поселение были определены только первые декабристы, и прожил там до 1837 года, после чего был переведен на Кавказ. В 1980 году в популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга, посвященная Александру Одоевскому. Владимир Ягунин сумел проследить биографию поэта и декабриста. В ней приводится много интересных свидетельств, мало известных фактов, редких документов. Большое место в издании отводится сибирской ссылке декабриста, проливается новый свет на жизнь Александра Одоевского в Тельме и Елани.

Мы предлагаем нашим читателям небольшой фрагмент о том, какими оказались для Александра Одоевского три долгих года ссылки, проведённых в Елани.

Елань заметало снегом...

Свеча в комнате не погасала, Одоевский писал письмо, лежа на постели...

«...мое существование здесь довольно однообразно. Занимаю я одну комнату, которую отдал сам, как я уже сообщал вам; род маленький фонарик; ибо на квадрат в две с половиной сажени — четыре окна, довольно больших. Это — мой эрмитаж. Я почти не выхожу из него; потому что вы, может быть, помните, что я всегда был врагом пешего передвижения.

Иногда я совершаю маленькую прогулку на санях по улицам или, вернее, по переулкам деревни. Через четверть часа я возвращаюсь, чтобы улечься на постели и читать какое-нибудь произведение, которое мне понравилось, напр., Лексикон моей родины, или принимаюсь размышлять о плане какой-нибудь поэмы или трагедии, которую, может быть, начну, но которую никогда не кончу по милости разборчивой совести: еще никогда она не была довольно ни одним моим эпическим или трагическим планом и почти ни одной моей пьесой.

А если я теперь когда-нибудь сочиняю их, старюсь забыть: это для меня тем легче, что я почти никогда не кладу своих стихов на бумагу, как вы давным-давно знаете это. С очень многих пор истории России служит источником моих обычных вдохновений — древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев.

Если я, может быть, не поэт в истинном значении этого слова, все же я очень люблю поэзию и литературу, больше, чем все остальное в сфере искусства и человеческого знания...».

Он отложил в сторону перо и, подойдя к фортепиано, присланному недавно из Петербурга, нажал на клавишу. Высокий мелодичный звук заставил его вздрогнуть. «Эх, мазурку бы сейчас!» — от этой мысли стало на душе его весело. — Прошелся бы, как в былые времена, у графа Апраксина...».

...В Елани, затерянном сибирском селе, окруженном густыми лесами и невысокими холмами, заселенном в основном старожилами, за исключением четырех или пяти «посельщиков», письма к родным оставались чуть ли не единственной отрадой.

На новом месте отпустившаяся была грядущая боль усилилась, при быстром шаге или некрупном подъеме начиналась одышка, и потому большую часть времени Александр проводил дома.

Изданье до Одоевского доходило вести от товарищей по ссылке. Кто-то неплохо устроился на поселении, иные бедствовали... Этой же осенью он обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Лавинскому с просьбой о разрешении получить от родственников своих «единовременные три тысячи рублей для раздачи товарищам, по бедности своей нуждающимся в помощи».

Император не дал на это «высочайшего соизволения», указав, что и на личное содержание самого Одоевского должно тратить не более одной тысячи рублей. Лавинский же сквозь пальцы смотрел на то, что денежные суммы, поступавшие на имя поселенного в Елани «государственного преступника», нередко превышали определенную сверху долю.

Читал он бессистемно, все, что присылали из дома: «Библиотека для чтения», различные

Что касается Елани, то тут находятся только старожилы, за исключением четырех или пяти посельщиков; и я — в безопасности от всех возможных неприятностей...»

В июле 1834 года, купив у выехавшего из Елани захиточного мужика целый дом, он обратился к иркутскому гражданскому губернатору с просьбой: дать свое «соизволение на постройку ограды, анбара, завоксы, конюшни и хлева; для чего по настоящей дороговизне нужно будет не менее двух тысяч рублей. Мои родные, всегда готовые удовлетворить всем моим нуждам, без сомнения ожидают, на счет присылки подобной суммы, только разрешения вашего превосходительства».

Согласие было дано. Но Петербург распорядился «посылаемые в адрес ссыльных деньги выдавать мелкими суммами, не свыше 100 рублей, и требовать оправдательных документов в израсходование».

Отказ огорчил Одоевского, так как часть денег он намеревался послать нуждающимся товарищам по неволе. Пришлось изыскивать иные пути...

Хозяйством он скоро обзавелся довольно обширным.

Недомогание тяготило его. Погода установилась в Елани хорошая, но непостоянная; в полдень — невыносимая жара, ночью — прохладно. Несмотря на все предосторожности, он простудился и «получил такую боль в горле», что с трудом мог говорить.

Отца Александр старался не волновать своими болезнями.

«...Простите, мой нежно любимый отец, что я так давно не писал вам; все эти дни мне было так грустно, что я не мог взять пера в руки: мои письма были бы отражением чувствования моего сердца, которое очень мучилось в течение этих двух недель, хотя я и сам не знаю причины этих моральных страданий: моя судьба — страдать... В глубине души я храню полную благодарность providению; когда я думаю о вашей привязанности ко мне и о вашем отеческом попечении...»

С каждым месяцем росла библиотека Одоевского, ширился и его интерес ко всему новому, что появлялось в русской и зарубежной литературе. Чтение — по-прежнему его любимое и единственное занятие. С книгами он не так ощущал свою оторванность от умственной жизни общества.

В начале января 1836 года к нему заехал бывший директор Тельминской суконной фабрики Протопопов, который когда-то помог Одоевскому устроиться в Тельме.

В конце дружеского разговора Одоевский обратился к гостю с неожиданной просьбой:

— Хочу попросить о помощи. Только не удивляйтесь моей просьбе. Прошу помочь продать рессорную бричку. В июле выйдут на поселение много моих товарищей — Муравьевы, Лунины, Свистунов, Анненков, Волконский... И все они нуждаются в экипажах. Обычным путем продавать бричку нельзя, так как все пойдет в казенную палату.

— Обязательно сделаю все, как сказали! — заверил Протопопов и тотчас уехал.

Оставшись один, Одоевский сел за фортепиано и стал наигрывать один из грибовадских вальсов. Музыка успокаивала, но одна и та же мысль свербила голову и жгла сердце: как выжить из холодных сибирских темниц?...».